

но сразу заподозрили что то недоброе. Долго, пожалуй часа два или три, кружились терпѣливыя птицы надъ соблазнительною ѣдою, сѣли на землю, затѣмъ опять поднимались, но все таки не трогали. Тѣмъ временемъ успѣли отравиться два ягнятника, которыхъ мы тотчасъ же и убрали. Обстоятельство это еще болѣе усилило подозрительность снѣжныхъ грифовъ. Ихъ собралось уже штукъ тридцать или сорокъ, кружившихъ надъ мѣстомъ приманки цѣлою стаею, красиво пестрѣвшею на темноглубомъ фонѣ яснаго неба. Наконецъ, вдругъ одинъ изъ грифовъ, быть можетъ, еще неопытный, или наиболѣе жадный, стремглавъ, наискось полетѣлъ къ приманкѣ, сѣлъ на нее и принялся за кишки. Это было сигналомъ для остальныхъ птицъ, которыя всѣ сразу бросились къ своему товарищу. Но не успѣли еще опуститься задніе экземпляры, какъ стая снова поднялась и испуганно полетѣла прочь. Оказалось, грифы уже успѣли схватить отравленное мясо и ядъ подѣйствовалъ такъ быстро, что шестеро изъ нихъ мгновенно упали мертвыми. За ними тотчасъ же были посланы казаки, которые и принесли добычу къ нашему бивуаку.

Тѣмъ же синеродистымъ калиемъ мы пробовали, по пути въ Тибетъ, отравлять на ночь внутренности убиваемыхъ яковъ или хулановъ, но волки и кярсы чюяли запахъ яда и не трогали приманки. Неуспѣшна была также ловля вышеназванныхъ звѣрей и капканами, которыхъ у насъ имѣлось нѣсколько, но, къ сожалѣнію, все небольшихъ, такъ что попавшійся въ нихъ волкъ или даже кярса легко высвобождали свои лапы. Лишь однажды, именно на нынѣшней стоянкѣ, Ф. Л. Эклону удалось поймать кярсу, благодаря тому, что звѣрь попалъ сразу въ два капкана переднею и заднею лапами. Этотъ кярса, весьма обыкновенный во всемъ сѣв. Тибетѣ, оказался новымъ видомъ, который я предлагалъ уже въ IX главѣ назвать *Canis (vulpes) Ekloni*. Имѣя хорошіе сильныя капканы, въ сѣв. Тибетѣ можно добыть много, какъ кярсы, такъ и волковъ, ибо здѣшніе звѣри не знаютъ еще подобной ловушки.

Сношенія съ
мѣстными жи-
телями.

Тибетцы, кочевавшіе въ окрестностяхъ нашей стоянки, сначала сильно чуждались насъ, такъ что лишь подъ угрозою грабежа продавали намъ барановъ. Но затѣмъ, освоившись съ нашимъ здѣсь пребываніемъ, притомъ видя, что мы никому и ничего дурного не дѣлаемъ, мѣстные кочевники ежедневно стали являться къ намъ, то въ качествѣ зрителей, то приносили продавать масло и чуру, или приводили на продажу барановъ и лошадей. За все это запрашивали цѣны непомерныя и вообще старались надуть всяческимъ образомъ. Вмѣстѣ съ мужчинами иногда являлись и женщины, которыхъ влекло, главнымъ